

ДМИТРИЙ УСОВ В НАЧАЛЕ 1920-х годов (ПО ПИСЬМАМ К М. А. ЗЕНКЕВИЧУ)

(Публикация Т. Ф. Нешумовой)¹

Светлой памяти М. Б. Горнунга

Настоящая публикация продолжает серию работ, посвященную жизни и творчеству филолога, поэта и переводчика Дмитрия Сергеевича Усова (1896—1943).² Для нее из обширного эпистолярного и поэтического наследия Д. С. Усова выбраны документы, связанные с его взаимоотношениями с поэтом и переводчиком Михаилом Александровичем Зенкевичем (1886—1973). М. А. Зенкевич после революции с конца 1917 г. по весну 1923 г. жил в Саратове и работал там в «Окнах РОСТА». Можно предположить, что знакомство Усова с Зенкевичем состоялось во время его непродолжительного (сентябрь 1921 г.) пребывания в этом городе: уехав из голодной Москвы в 1918 г. в Астрахань, Усов затем безуспешно пытался закрепиться в Баку, где преподавал Вяч. Иванов,³ или в том же Саратове.

¹ Автор приносит благодарность за помощь в работе А. Балакину, М. Воробьевой, С. Зенкевичу.

² См.: Усов Д. С. / Стихотворения Вступ. заметка и подгот. текста Н. Алексеева [Н. А. Богомолова] // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 75—83; Гаспаров М. Л. «Переводчик» Д. С. Усова: с русского на русский // Гаспаров М. Л. Избранные статьи. М., 1995. С. 198—201; Степанова Л. Г., Левинтон Г. А. Из истории дантоведения: статья Д. С. Усова о переводе «Новой жизни» в «Гермесе» // Тыняновский сб. Вып. 10. Шестые-Седьмые-Восьмые тыняновские чтения. М., 1998. С. 514—547; Нешумова Т. Ф. 1) Невидимый трилистник: Черубина де Габриак, Д. С. Усов, Е. Я. Архиппов // «Серебрянный век» в Крыму: взгляд из XXI столетия: Материалы Четвертых Герцыковских чтений в г. Судаке 6—10 июня 2005 года. М.; Симферополь; Судак. 2007. С. 119—161; 2) Из комментариев к поэтическим текстам 1920—1930-х годов (Осип Мандельштам, Владислав Ходасевич, Дмитрий Усов, Борис Пастернак) // Русская литература. 2007. № 3. С. 191—200; 3) «Гуговна» // «Сохрани мою речь...». М., 2008. Вып. 4/1. С. 226—244; 4) Усов Д. С. // О. Э. Мандельштам, его предшественники и современники. М., 2007. С. 141—144; 5) Усов Д. С. // Русские писатели. 1800—1917. Т. 6 (в печати). Об Усове см. также: Мандельштам Н. Я. Воспоминания. М.: «Согласие», 1999. С. 429—432; Лавров А. В., Тименчик Р. Д. Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1981. Л., 1983. С. 62, 69—71, 123—124.

³ В письме Е. Я. Архиппова, полученном Усовым 4 окт. 1920 г., был вопрос: «Когда собираетесь в Баку?». (Архиппов Евгений. Письма к Дмитрию Усову / Подгот. текста и коммент. Т. Ф. Нешумовой // Волга. 2009. № 9/10. С. 156.

В 1922 г. Усов писал В. М. Жирмунскому: «Я был по Вашей рекомендации удостоен звания оставленного при Саратовском университете осенью 1919 г. Летом 1921 г. я был избран б<ывшим> историко-филологическим Факультетом Сарат<овского> университета на должность лектора и прибыл в Саратов, но не решился зимовать там, ввиду чисто-матерьяльных обстоятельств, весьма неблагоприятно слагавшихся».⁴

Точной датой знакомства поэтов мы не располагаем. Впервые о М. А. Зенкевиче Усов упоминает в письме от 15 окт. 1921 г. к своему другу Е. Я. Архиппову:⁵ «В Саратове я выступал на вечере, посвященном памяти Блока, в зале Консерватории 29 сентября н<ового> ст<илия>. Программа: Вступительное и заключ<ительное> слово проф<ессора> Федотова;⁶ „Как умирают писатели“ — Л. Гумилевского⁷ (у Блока было цинготное заболевание; перед смертью он раскаивался, что написал «12»; умер *один*);⁸ „Памяти Блока“ — А. Скалдина⁹ (необыкновенно *глубая* речь); „А. Блок как лирик, переводчик и драматург“ — Д. Усова;¹⁰

⁴ ААН, Ф. 1001, оп. 3, ед. хр. 829, л. 1.

⁵ См. о нем: *Лавров А. В. Архиппов // Русские писатели. 1800—1917. М., 1989. Т. 1. С. 112—113.*

⁶ *Федотов Георгий Петрович (1886—1951)* — историк, философ, публицист. С 1920 г. работал на кафедре истории средних веков в Саратовском университете. Эмигрировал во Францию (1925). Взгляды Федотова на творчество Блока изложены в его статье «На поле Куликовом», посвященной анализу одноименного стихотворного цикла Блока (см., например, в кн.: *Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М.: АСТ, 2003. С. 535—536*). Зенкевич подружился с Федотовым еще во время своей жизни в Берлине и Йене в середине 1900-х гг.

⁷ *Гумилевский Лев Иванович (1890—1976)* — прозаик, редактор. Вместе с М. А. Зенкевичем и другими литераторами редактировал саратовский журнал «Культура», первый номер которого вышел в январе 1922 г. (всего появилось три номера журнала и три номера приложения), был редактором саратовского «Журнала науки и искусства» (выходил в 1922 г.). Занимался, как и Зенкевич, с начинающими литераторами в литературных мастерских. «Облик Зенкевича этого периода зафиксирован в романе Л. Гумилевского «Эмигранты» (Саратов, 1922)» (*Тименчик Р. Д. Зенкевич М. А. // Русские писатели. 1800—1917. М., 1992. Т. 2. С. 338*).

⁸ В действительности Блок умер «от подострого септического эндокардита <...> неизлечимого до применения антибиотиков» (История болезни Блока. Сообщение М. М. Щербы и Л. А. Батуриной // *Литературное наследство. Т. 92(4). М., 1987. С. 733*) 7 авг. 1921 г. «в присутствии матери и жены» (*Бекетова М. А. Воспоминания об Александре Блоке. М., 1990. С. 200*).

⁹ *Скалдин Алексей Дмитриевич (1889—1943)* — писатель (репрессирован, умер в Карлаге). О А. Д. Скалдине см.: *Царькова Т. С. «Скалдиновщина» (Саратовский период жизни А. Д. Скалдина) // Лица: Биографический альманах. М., СПб., 1994. Вып. 5. С. 460—486*. Скалдин был знаком с Блоком, одобрившим его статью «Идея нации» (опубл. в «Новом журнале», кн. 210, 1998). В бумагах Усова есть еще одно высказывание о писателе. 26.VI.1925 Усов писал Е. Я. Архиппову: «Прочитал необыкновенно дикий роман А. Скалдина: „Странствия и приключения Никодима Старшего“. В нем ни одна тема не развивается и не доводится до конца, все срывается на полуслове — и все же книга затягивает Вас, как сон, который все не можешь посмотреть до конца» (РГАЛИ, ф. 1458, оп. 1, ед. хр. 78, л. 77—78 об.).

¹⁰ Текст выступления Усова нам неизвестен. В 1919 г. в газ. «Военмор» (Органе культпросвета штаба Волжско-Каспийской военной флотилии) появилась его заметка «Александр Блок» (№ 4, с. 7—8). В газ. «Профессиональная жизнь», издаваемой Культотделом Астраханского Губпрофсовета (№ 28 от 25 авг. 1921 г.), был напечатан (за подписью: Д.) написанный Усовым некролог А. Блока (который мы публикуем в четвертой части наст. публ.).

„Блок и Революция“ — Зенкевича (митинговая речь).¹¹ Затем последовал концерт — больш<ей> ч<астью> декламация (превосходное исполнение „12-ти“ артистом Неделиным;¹² из музыкальных №№ помню *необычайную* по обаятельности „Песню Алискана“ (из «Роза и Крест») — муз. М. Гнесина¹³).¹⁴ В газетах об этом вечере, устроенном секцией литературного объединения, сообщалось, что он «прошел весьма оживленно при переполненном зале» и речи выступавших были выслушаны с большим вниманием.¹⁵

В краткий период пребывания в Саратове Усов успел завязать отношения с ведущими интеллектуальными силами города и договорился о сотрудничестве в «Саррабисе» — «Саратовском работнике искусства», журнале литературы, критики, музыки и театра, выходившем в 1921 г. Первое из публикуемых писем к Зенкевичу Усов послал из Астрахани 1 нояб. 1921, в нем он беспокоится о судьбе своих статей, переданных в «Саррабис», не зная, что к этому времени обе они уже были напечатаны. По всей вероятности, прочитав статью Усова о своем творчестве, Зенкевич тепло откликнулся на его письмо (этот документ, видимо, не сохранился), по крайней мере, второе публикуемое письмо Усова к Зенкевичу, написанное в феврале 1922 г., уже гораздо информативнее и эмоциональнее первого. Очевидно, что в нашей реконструкции взаимоотношений поэтов есть и отсутствующие звенья: в 1922 г. их общение явно обладало некоторой регулярностью.

На сегодняшний день, кроме публикуемых текстов, других следов переписки Зенкевича и Усова не обнаружено. Но имя Зенкевича продолжает мелькать в письмах Усова. 24 февр. 1922 г. он спрашивает Архиппова: «Скажите: получили ли Вы мое письмо из Саратова со стихами Зенкевича?».¹⁶ В 1923 г. каждый своим путем Зенкевич и Усов оказываются в Москве. 25 окт. 1924 г. Усов сообщает Архиппову: «Из поэтов последнее время (кроме разнообразных пролетарских) видел лишь двоих: Бернера¹⁷ и Зенкевича <...> Зенкевич пишет жуткие

---

¹¹ Об этом периоде жизни поэта см. публикацию: *Зенкевич Михаил*. Избранные статьи и рецензии в саратовской периодике 1918—1923 годов / Вступление, подгот. текстов и примеч. С. Е. Зенкевича // *Волга-XXI век*. 2008. № 3—4. Среди републикованных здесь материалов два посвящены Блоку: отклик на смерть «Александр Блок» и статья «О поэтах «революционного социализма»».

¹² *Сергей Евгеньевич Неделин* — в начале 1920-х гг. артист саратовского ТЭПа (см. о нем в кн.: *Водонос Е.* Очерки художественной жизни Саратова эпохи «культурного взрыва». 1918—1932. Саратов, 2006. С. 272, где есть ссылка на статью: Бенефис С. Е. Неделина в ТЭПе // *Художественный Саратов*. 1922. № 5), впоследствии художественный руководитель воронежского театрального училища.

¹³ *Гнесин Михаил Фабьянович* (1883—1957) — композитор, педагог; автор музыки к драме Блока «Роза и крест».

¹⁴ РГАЛИ, ф. 1458, оп. 1, ед. хр. 78, л. 1—1 об.

¹⁵ Саратовские известия. 1921. № 223. С. 4.

¹⁶ РГАЛИ, ф. 1458, оп. 1, ед. хр. 78, л. 6 об.

¹⁷ *Бернер Николай Федорович* (псевдонимы: Николай Божидар, Божидар и Дир, Nikolas Berner, Ф. Николаев; 1890—1969) — поэт, автор рецензий на поэтические сборники. Подробнее см. о нем: *Устинов Андрей*. Две жизни Николая Бернера // *Лица: Биографический альманах*. СПб., 2002. Вып. 9. С. 5—64.

стихи о петербургском наводнении (возвращение Евгения),¹⁸ о расстрелах,¹⁹ кошмар о рояле с обрубленными ножками в разоренной вилле (рояль ползет и стонет, тема раздваивается: рояль-автомобиль

---

¹⁸ *Евгений* — герой поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник». Стихотворение Михаила Зенкевича «Наводнение в Ленинграде» (1924):

С усыпальниц соборных выходец мертвый,
Оттуда, где призраки прошлого спят,
Год наводнения двадцать четвертый
Юбилеем столетним явился вспять.
Все футов сверх ординара им мало,
Цепями идут беляки на штурм,
И буря — решеток чугуна изломала,
И море — на площади вынесло шторм.
И волны гуляют по Летнему саду
Разгульной ватагою вдоль аллеи,
И статуи валят, и нет с ними сладу,
Рвут липы с корнями, бурлят все наглей.
На Марсовом поле твоём, Революция,
Трибуны могильные с боя беря,
Их черные толпы все льются и льются,
Приветствуя ночь своего октября.
В соборе молящиеся, вы заперты!
Вам не поможет земной поклон,
Волны-убийцы вас ждут на паперти,
Повалят, удавят в корнях колонн.
В театрах, с партера, в фойе, в бельэтаже,
По лестницам шлейфов холодный душ
Волоча, уселись в креслах и даже
В ложах на красный бархат и плюш.
Галдят: мы сполна заплатили цену,
Все театры сданы под спектакль один.
В прожекторах молний пустим на сцену
Из пены сотканых балерин!
А на площади, там, где волны, глодая,
У Медного Всадника лижут гранит,
Мертвец, от острова Голодая
Принесенный, на мраморном звере сидит.
Сумашедший <sic> в плаще, кого он дурачит?
Утопленник бледный, как он знаком!
Иссохшие пальцы клешнею рачьей
Сжимая, кому он грозит кулаком?
Давно оглохший в чугунном шуме,
Теперь бесстрашно сквозь грохот и вой
Гиганту кричит со злорадством безумец:
— «Здесь город Ленина, а не твой!»

1924

Цит. по: *Зенкевич М.* Под пароходным носом. М., 1926. С. 22—23. Датируется по материалам семейного архива поэта.

¹⁹ См. стихотворения М.А. Зенкевича «Предрассветные голоса», «Царская ставка»: *Зенкевич М.А.* Сказочная эра: Стихотворения. Повесть. Беллетристические мемуары / Сост., подгот. текстов, примеч., краткая биохроника С.Е. Зенкевича; Вступ. статья Л.А. Озерова. М., 1994. С. 160—163 (далее: Сказочная эра).

и рояль-гроб»²⁰).²¹ На Пасху 1926 г. Усов упоминает о выходе в издательстве «Узел» новой книги Зенкевича «Под пароходным носом»; в письме, датируемом по содержанию 1927 г., перечисляет имя Зенкевича в числе поэтов, о которых он должен писать для издаваемого ГАХН словаря «Писатели современной эпохи». Статья Усова вошла в первый том словаря, увидевший свет в 1928 г. (с. 133; без указания имени автора, как и во всем издании).²²

Посылая 22 апр. 1927 г. Архиппову каталог выставки рисунков М. Волошина, Усов в характеристике автопортрета Волошина вспоминает название книги Зенкевича: «очень похожий портрет (в красках он еще интереснее — великолепное архаическое сочетание алого хитона с синевой залива и «дикий порфирой» камней)».²³

Последнее из известных свидетельств об общении Усова и Зенкевича — показания поэтессы Сусанны Укше²⁴ на допросе 25 июня 1927 г.: «Московская группа акмеистов образовалась в 1923 г. Первоначально она состояла из Н. Н. Минаева,²⁵ Марианны Ямпольской, меня и Надежды Пресман, потом был приглашен Пеньковский,²⁶ но он скоро уехал. Хотели мы пригласить в руководители кого-нибудь из основоположителей акмеизма: приглашали Мандельштама, но он отказался; пригласили Зенкевича. Он согласился бывать, но руководящей роли не играл и на наших собраниях был очень редко — последнее время не бывал. Потом еще к нам вступил Д. С. Усов.

Потом мы подумали о расширении группы и пригласили поэта Миниха,²⁷ которого нам хвалили как прекрасного поэта с акмеистическим уклоном. Он был 2 раза и уехал. Он привел Марка Тарловского.²⁸

---

²⁰ См. стихотворение М. А. Зенкевича «Баллада о безномом рояле» (1924): Сказочная эра. С. 177—179.

²¹ РГАЛИ, ф. 1458, оп. 1, ед. хр. 78, л. 58.

²² Там же, л. 100, 112 об. Том словаря, ставший библиографической редкостью, переиздан в 1992 г. (М.).

²³ РГАЛИ, ф. 1458, оп. 1, ед. хр. 78, л. 115.

²⁴ Укше Сусанна Альфонсовна (1885—1945) — поэтесса, переводчица. См. кн.: Укше С. А. «Стихов серебряные звенья...»: Избранное / Сост. Ю. В. Алехин. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2007.

²⁵ Минаев Николай Николаевич (1893—1967) — поэт. Автор книги стихов «Прохлада» (М.: Современная Россия, 1926).

²⁶ Пеньковский Лев Минаевич (1894—1971) — переводчик, поэт (единственная книга его оригинальных стихов «В саду души» вышла в Харькове в 1918 г.). Библиографию стихотворных переводов Пеньковского см. в кн.: Русские поэты XX в.: Материалы для библиографии / Сост. Л. М. Турчинский. М., 2007. С. 419. См. о нем нашу публ.: Доклад О. М. Брига о новых переводах «Германии» Гейне и его обсуждение на секции переводчиков союза писателей (1934) / Подгот. текста, публ. и примеч. Т. Ф. Нешумовой // Philologica 2006/2009. Т. 9, № 21/22 (в печати).

²⁷ Миних Александр [Маслов Александр Викторович] — поэт, переводчик татарской поэзии. Автор кн.: Лицо профессии: Стихи. 1927—1930. М., Л.: ГИХЛ, 1931.

²⁸ Тарловский Марк Ариевич (1902—1952) — поэт и переводчик. Автор книг: Иронический сад. М.; Л.: ЗИФ, 1928; Бумеранг: Вторая книга стихов. М.: Федерация, 1931; Рождение Родины: Стихи М.: ГИХЛ, 1935. Архив Тарловского хранится в ОР ИМЛИ (ф. 519) и в РГАЛИ. См.: Тарловский Марк. Молчаливый полет. Стихотворения. Поэма / Сост., подгот. текста, послесл. и коммент. Е. Витковского и В. Резвого. М.: Водолей Publishers, 2009.

Тарловский бывал на заседаниях и участвовал на нашем вечере в Цекубу, но другим говорил, что себя причисляет к конструктивистам.

Группа официально не была зарегистрирована.

В московскую группу акмеистов входят:

1. Пресман-Фридман Надежда Зиновьевна,²⁹ живет на Б. Дмитровке.
2. Яковлева-Ямпольская Мария Николаевна,³⁰ Малая Кисловка, около филармонии.

3. Минаев Николай Николаевич.

4. Тарловский Марк.

5. Зенкевич Михаил Александрович, Мясницкая улица.

6. Усов Дмитрий Сергеевич.

7. Миних, уехал из Москвы.

8. Пеньковский.

Собирались иногда у меня, иногда у Пресман.

Записано с моих слов верно. С. Укше».³¹

В настоящую публикацию включены упомянутая статья Усова о Зенкевиче, его некрологическая заметка о Блоке и два его крупных поэтических произведения начала 1920-х гг.: «Венок сонетов» и «Баллада о езде туда и обратно». Имитируя стиль средневековой баллады и намечая архетипический сюжет странствия в неуточненном пространстве-времени, последнее произведение становится иносказательным повествованием о бесконечных скитаниях времени Гражданской войны, о возвращении в покинутый родной город, где разрушены все привычные человеческие связи, и, как представляется, красноречиво говорит о том, о чем молчат публикуемые письма и статьи. В письме к Архиппову от 22 марта 1923 г. Усов писал: «„Балладу о дороге туда и обратно“ хочу послать Черубине и ждать Ее суда: здесь Ее слово будет для меня решающим словом».³²

Венок сонетов, независимо от его несомненных художественных достоинств, кажется нам примечательным вот в каком аспекте. Достоверных сведений о том, что с этим текстом был знаком О. Э. Мандельштам, у нас нет, но вероятность такого факта велика: венок сонетов Усова был его «визитной карточкой» в литературном мире, он посылал или показывал его не только Зенкевичу, но и Е. Я. Архиппову, В. М. Жирмунскому, Е. И. Васильевой, А. В. Звенигородскому, Б. А. Садовскому, а также

---

²⁹ Фридман (Пресман) Надежда Зиновьевна (1897—1956) — поэт, в 1931—1956 гг. библиотекарь Всесоюзной Государственной библиотеки иностранной литературы (ВГБИЛ). Выступала на литературном вечере в составе группы московских поэтов-акмеистов 5 янв. 1922 г. (см.: Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1, ч. 2. Москва и Петроград. 1921—1922 гг. / Отв. ред. А. Ю. Галушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 282).

³⁰ Яковлева Мария Николаевна (псевд. Марианна Ямпольская; 1891—после 1960) — поэтесса, детская писательница, переводчица. Публиковалась в коллективном сб. «Лирика: Стихи» (Вып. 1 и 2. М.: Неоклассики, 1922). В 1937 г. арестована, после лагеря с 1955 г. жила в Малоярославце и Москве. Стихи опубл.: Поэзия узников ГУЛАГа: Антология / Сост. С. С. Виленский. М., 2005. С. 247—350.

³¹ Цит. по: Виноградов Владимир. «Зеленая лампа». Продолжение темы «Михаил Булгаков и чекисты» // Независимая газета. 1994. 20 апр. № 74 (750) С. 5.

³² РГАЛИ, ф. 1458, оп. 1, ед. хр. 78, л. 64 об.

молодым московским филологам и поэтам, издававшим машинописный сборник «Гермес», — этот самиздатский орган и стал первым местом «публикации» венка сонетов Усова.³³ С этим текстом Мандельштама могли познакомить если не сам автор, то его двоюродный брат — хороший знакомый Мандельштама — Ю. М. Вермель или друзья Усова — поэты В. А. Меркурьева, Вс. Рождественский, А. В. Звенигородский. В сонете Усова «Гофман» есть такие строки:

Немецкий город... Сказочные святки...
И снег, как платье бального атлас.

— «Здорово, Гофман!» — «Я не знаю Вас». —
И черный плащ уходит без оглядки.

Похожую ситуацию (встреча лирического героя с литературным кумиром) мы встречаем в стихотворении О. Э. Мандельштама «Батюшков»:

Ни на минуту не веря в разлуку,
Кажется, я поклонился ему:
В светлой перчатке холодную руку
Я с лихорадочной завистью жму.

Он усмехнулся. Я молвил: спасибо.
И не нашел от смущения слов:
— Ни у кого — этих звуков изгибы...
— И никогда — этот говор валов...

Наше мученье и наше богатство,
Косноязычный, с собой он принес —
Шум стихотворства и колокол братства
И гармонический проливень слез.

И отвечал мне оплакавший Тасса:
— Я к величаньям еще не привык;
Только стихов виноградное мясо
Мне освежило случайно язык...

Несовпадение и размеров дарования и поэтик Мандельштама и Усова не требует обсуждения, но исследователь не должен пренебрегать возможным контекстом, из которого растут «не ведая стыда» великие стихи. Представляется, что венок сонетов Усова «Любимые поэты» следует включить в возможный перечень «источников»

---

³³ Здесь нужно обратить внимание на неоднородность позиций «вкладчиков» «Гермеса». Один из лидеров журнала, Б. В. Горнунг, писал: «Мы (т. е. коллектив авторов, издававший журнал «Гермес». — Т. Н.) не понимали, как мог Гумилев при жизни своей терпеть в своей „школе“ В. Нарбута, М. Зенкевича, С. Нельдихена, Ф. Волкова, произведения которых мы расценивали настолько низко, насколько это возможно» (*Горнунг Б. Поход времени. Статьи и эссе.* М., 2001. С.367—368). Это мнение Горнунга, как кажется, отражает в большей степени его личную позицию, нежели позицию всего кружка «Гермеса»: по крайней мере, уважительное и заинтересованное отношение Усова к М. Зенкевичу очень далеко от декларируемого Горнунгом от лица «всех» пренебрежения.

мандельштамовского цикла «Стихи о русской поэзии» (1932), учитывая не только указанное микросюжетное сходство, но и сам замысел создания личного поэтического пантеона.

Все публикуемые материалы, кроме статей, текст которых воспроизводится по газетным публикациям, и первого письма Усова к Зенкевичу из ОР РГБ (ф. 784 — собрание М. И. Чуванова, карт. 26, ед. хр. 20), хранятся в РО ИРЛИ. Второе и третье письма и венок сонетов публикуются по автографам Усова в фонде М. А. Зенкевича, не прошедшем научно-техническую обработку. Имена героев сонетов взяты в квадратные скобки, так как в этом автографе они опущены. «Баллада о езде туда и обратно» — Р. I, оп. 4, № 257, л. 1—6. Эта единица хранения представляет собой авторизованную машинопись, где рукой Усова вписано слово «далекое» в предпоследней строфе.

1. Д. С. Усов. Письма М. А. Зенкевичу

1

1 ноября 1921. Астрахань.

Глубокоуважаемый
Михаил Александрович!

Если Вам не трудно — сообщите мне, пожалуйста, о судьбе двух моих статей для Саррабиса:¹ а) о Данте — была передана Архангельскому² б) о Вас — была передана проф<ессору> Федотову.³ Если они напечатаны — не откажите прислать мне те №№.⁴

Эту зиму мне, по соображениям чисто материальным, придется пробыть в Астрахани, но весной я намерен переселиться в Саратов окончательно.⁵

Напишите мне о достойных внимания событиях культурной жизни Саратова. Про Астрахань писать нечего: здесь — Кайенна.⁶

Мой искренний привет Вам и Георгию Петровичу.

Ваш Д. Усов

Астрахань. 4 район. Луковская 3.

Дм. Серг. Усов

¹ Об этом издании см.: *Бельков Р. В.* Газетная и литературная культура в Саратове (на материале периода 1920-х годов): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005. Зенкевич также выступал на страницах «Саррабиса» (републикацию его трех статей из этого издания см.: *Зенкевич Михаил.* Избранные статьи и рецензии в Саратовской периодике 1918—1923 годов / Вступление, подгот. текстов, примеч. С. Е. Зенкевича // *Волга-XXI век.* 2008. № 3—4).

² *Архангельский Всеволод Николаевич* (ум. после 1949) — публицист, филолог. В 1921 г. в журнале «Саррабис» (1921. № 3, октябрь. С. 3—4) опубликовал статью «Имажинисты».

³ Г. П. Федотову (см. о нем в примеч. к вступ. заметке).

⁴ «О Данте (к 300-летию со дня смерти)»: Саррабис. 1921. № 3. С. 1—2; «Поэзия М. Зенкевича»: Там же. С. 11—12.

⁵ Это намерение Усова не осуществилось.

⁶ *Кайенна* — город во французской Гвиане, служивший (как и вся Гвиана) на протяжении XVIII—XX вв. местом политической ссылки и каторги, из-за тяжелого климата почти не оставлявшей ссылкой шансов на выживание.

10 февр<аля> 1922¹

Глубокоуважаемый Михаил Александрович!

Во-1-х, извиняюсь за совершенно непристойную бумагу.

Во-2-ых — сердечно благодарю за письмо, хочу ответить на него и, вообще, побеседовать с Вами.

«Саррабис» пришел в один день с Вашим письмом, но, по-моему, это недоразумение: три экземпляра № 4-го, без единой моей статьи! Значит: или они вообще не печатались, или в редакции перепутали. К тому же адрес безбожно переверан (*Муховская улица*).² Я очень бы просил Вас *от себя* прислать мне, вероятно — № 3-й (первые 2 я знаю и имею) в *двух или трех экземплярах* с объявленной ценностью. Марки я прилагаю.

Как Вы нашли статью о Вас?³

В Астрахани духовной жизни, конечно, почти нет никакой. 14-го ноября университет устроил чествования памяти Данте — довольно скучное: с речами выступала только Л. Ф. Завалишина (та, к<отора>я некогда переводила с Ф. Зелинским Овидия)⁴ и я. Обоими речами я неудовлетворен.

Я предпринял чтения цикла из трех лекций «Новейшая русская поэзия» по такой программе (хронологич. рама 1890—1917) I Три поколения. Русское «декадентство», его корни и состав. а) Мыслители: Минский, Мережковский, Гиппиус б) Изобразители: Сологуб, Бальмонт, Брюсов.

II Символисты=мистики: А. Белый, Блок, Вяч. Иванов; ученики и *di<i> minores*:* Валерьян Бородаевский,⁵ князь Андрей Звенигородский (знаете ли Вы этого, часто срывающегося до минуса, часто безгранично богатого поэта? Если нет, я с охотой перепишу для Вас кое-что: по-моему, он близок *Вам* во многом).⁶

III Поздний символизм. Определительные начала: М. Кузмин, И. Анненский, В. Брюсов в *поздней стадии*. Школа: Н. Гумилев, Ахматова, Мандельштам, Зенкевич, М. Волошин, Черубина де Габриак, М. Цветаева, А. Лозина-Лозинский.⁷ Я нарочно заканчиваю 1917-м годом. Смерть Лозина-Лозинского для меня скорбная цифра целого периода русской поэзии. С ним, по-моему, кончается нечто такое, чего больше уж не будет. А «Белая стая» Ахматовой вся принадлежит поре до 17 года.

За эту зиму я написал статью о Черубине де Габриак (вероятно, печатный лист). Знаете ли Вы этого поэта? Я ее *очень* люблю, и знаю.⁸

Вот эту статью я мог бы прислать Вам для любого журнала. Не посылаю ее сейчас, п<отому> ч<то> переписывать все-таки долго. А если Вы найдете<, > что печатать о *ней* ничего не стоит, то я и прислать не буду.

Зато присылаю — на суд Вам, и, в случае, если представится возможность напечатать — лирический опыт: Венок сонетов «Любимые поэты».⁹

* Младшие боги (*лат.*). Здесь: «второстепенные поэты».

Я еще в Саратове говорил Вам, что своей «лирике» я значения не придаю,¹⁰ но здесь личность автора все же отступает за нарисованные портреты. А портретность и есть то, что мне в этом венке всего дороже, и то, почему я решаюсь ее сообщить другим (между прочими немногими — Вам).

Во всяком случае, я хотел бы знать Ваше суждение о нем. М<ожет> б<ыть>, Вы прочтете его в Лито? Уполномочиваю Вас делать с ним <, > что хотите.

Если у Вас есть такие стихи, к<оторы>х Вам совсем некуда девать (хоть бы приблизительно «на темы времени») — пришлите мне, и я напечатая их в Астрахани, а гонорар тотчас переведу Вам.

Напишите мне, что в СПб-ге? Что Ахматова¹¹ — видели ли Вы ее и не знаете ли чего-нибудь о Валентине Кривиче?¹²

Передайте от меня искренний привет Г. П. Федотову и Вашему брату.¹³ Нашел ли он книгу Тьерсо «Песни Франц<узской> Революции»,¹⁴ к<отору>ю я ему присоветовал взять для справки о происхождении Марсельезы и ее 1-м проявлении, к<отор>ым он интересовался осенью?

С нетерпением буду ждать Вашего ответа.

Ваш Д. Усов.

P. S. Не забудьте моей просьбы о «Саррабисе».

А «Ваша» Мухарева¹⁵ никуда не годится.

(«Ваша» — в смысле «Саратовская»; и еще, я помню, она просилась в ученицы к Вам!)

Астрахань. 4 район. Луковская, 3.

P. P. S. Не знаете ли Вы, каков сейчас адрес проф<ессора> Федотова? Мне не хочется писать ему на Университет.

¹ Конверт с почтовой печатью отправителя «Астрахань 10.2.1922»: Саратов. Ул. Чернышевского (Большая Сергиевская). Угол Бабушкина взвоза. Дом 44. Кв. 24. Михаилу Александровичу *Зенкевичу*.

² Правильный адрес Усова см. в следующем письме.

³ См. часть 5 наст. публ. Реакция Зенкевича на статью Усова нам неизвестна.

⁴ *Завалишина Людмила Федоровна* (ок. 1886—?) — историк. После Петрозаводской и Пензенской гимназий поступила на Высшие Женские Бестужевские курсы, которые окончила в 1911 г. по группе всеобщей истории; участница эрмитажного кружка, собиравшегося у Гизетти. Вместе со своим учителем филологом-классиком, профессором Фаддеем Францевичем Зелинским (1859—1944), от которого родила ребенка, выполнила перевод книги: *Овидий*. Баллады-послания / Пер. со вступ. статьей и коммент. Ф. Ф. Зелинского. М., 1913. В начале 1920-х гг. вторая жена А. Э. Серебрякова. О ней см. в воспоминаниях Н. П. Анциферова (*Анциферов Н. П.* Из дум о былом: Воспоминания / Вступ. статья, сост., примеч. и аннот. указатель имен А. И. Добкина. М.: Феникс: Культурная инициатива, 1992. С. 204). В списке участников Античного вечера, проводимого в РАХН в нач. 1920-х гг., имя Завалишиной упомянуто в числе «Латинского» отделения (РГАЛИ, ф. 941, оп. 6, ед. хр. 41, л. 23). Но личного дела Завалишиной в этом фонде нет. В цитированном выше письме к В. М. Жирмунскому Усов писал: «В истекшем 1921 г. в Астраханском „университете“, где я работал, сконструировалась „научная ассоциация“, сосредоточившая все мало-мальски серьезные силы города (из филологов были только: церк<овный> археолог Н. Н. Пальмов, — классик Л. Ф. Завалишина, ученица Зелинского — и, как „сотрудник“, я)» (ААН, ф. 1001, оп. 3, ед. хр. 829, л. 1). В уже цитированном письме к Архиппову от 15.10.1921 Усов спрашивал: «Прислал ли я вам отрывки

из сборника» Л. Завалишиной „Греческие боги“?). Сборник с таким названием в печати не появлялся. Тексты речей Усова и Завалишиной о Данте нам неизвестны. О содержании речи Усова можно составить представление по упоминаемой им заметке о Данте, опубликованной в «Саррабисе», и по его рецензии на перевод «Новой жизни», выполненный Ливеровской. Эта статья Усова появилась в машинописном журнале «Гермес» (№ 3, 1923), републикована и прокомментирована в работе: *Степанова Л. Г., Левинтон Г. А.* Из истории дантоведения: статья Д. С. Усова о переводе «Новой жизни» в «Гермесе» // Тыняновский сб. Вып. 10. Шестые-Седьмые-Восьмые тыняновские чтения. М., 1998. С. 514—547 (в дополненном виде: *Степанова Л. Г., Левинтон Г. А.* Из истории дантоведения в России (Неизвестная статья Усова о переводе «Новой жизни») // Язык, литература, эпос (к 100-летию со дня рождения академика В. М. Жирмунского). СПб.: Наука, 2001).

⁵ *Бородаевский Валериан Валерианович* (1874, по др. свед. 1875—1923) — поэт. См. о нем: *Гельперин Ю. М.* Бородаевский // Русские писатели. 1800—1917. М., 1989. Т. 1. С. 314—315; *Бугров Ю. А.* К уединенному долу: жизнь и творчество поэта Валериана Бородаевского. Курск, 2007.

⁶ *Звенигородский Андрей Владимирович* (1878—1961) — поэт, литературовед. См. о нем: *Богомолов Н. А.* Звенигородский Андрей Владимирович // Русские писатели. 1800—1917. М., 1992. Т. 2. С. 333; *Нещумова Т. Ф.* Звенигородский (статья для «Мандельштамовской энциклопедии», в печати). Недавно вышедшая книга «Князь Звенигородский Андрей Владимирович. Генеалогия и биография. Стихи разных лет. Воспоминания современников» (М.: ИПЦ «Маска», 2008), к сожалению, подготовлена непрофессионально и полна досадных ошибок и опечаток. При жизни Звенигородский издал три сборника стихотворений: «На память» (Н. Новгород, 1898); «Delirium Tremens» (М., 1906. Рец.: Весы. 1906. № 5. В. Б. <Брюсов В. Я.>); «Sub Jove frigido» (М., 1909. Книга посвящена Е. Я. Архиппову, с которым Звенигородский переписывался всю жизнь). В 1918 г. в Новороссийске Архиппов написал о Звенигородском статью «Иерофант ужаса и страсти», а Усов написал отзыв на нее — оба текста не предназначались к печати. В 1920-е гг. Звенигородский занимался историко-литературными разысканиями (вокруг Чаадаева, Пушкина, пушкинской эпохи); в 1930-е гг. участвовал в работе Пушкинской комиссии. Эти его работы направил М. А. Цявловский, который также привлек Звенигородского и к изданию полн. собр. соч. Л. Н. Толстого.

⁷ *Лозина-Лозинский Алексей Константинович* (1886—1916) — поэт, прозаик, критик. Умер 5 (18) нояб. 1916 г. См. о нем: *Морозов А. А.* Лозина-Лозинский // Русские писатели. 1800—1917. М., 1994. Т. 3. С. 381—382; *Лозина-Лозинский Алексей.* Противоречия. Собрание стихотворений / Сост., подгот. текста и коммент. К. Добромильского. М.: Водoley Publishers, 2008.

⁸ *Черубина де Габриак* — псевдоним Елизаветы Ивановны Васильевой (урожд. Дмитриевой, 1887—1928). Об истории взаимоотношений Усова и Черубины см. нашу работу: *Нещумова Т. Ф.* Невидимый трилистник: Черубина де Габриак, Д. С. Усов, Е. Я. Архиппов // «Серебрянный век» в Крыму: взгляд из XXI столетия: Материалы Четвертых Герцывковских чтений в г. Судак 6—10 июня 2005 года. М.; Симферополь; Судак, 2007. С. 119—161 (электронная публикация: <http://www.utoronto.ca/tsq/20/neshumova20.shtml>). Статья, о которой пишет Усов, видимо, безвозвратно утеряна.

⁹ См. ниже, часть 2 наст. публ.

¹⁰ Позже Усов сочувственно воспроизвел в письме к Архиппову от 8.1.1928. слова Вс. А. Рождественского о своем творчестве: «Во всякие поэтические эпохи параллельно основным каноническим линиям стихотворного мастерства идет в стороне работа вот таких стихотворцев, которые вбирают в себя крепнущую традицию и, в свою очередь, сами могут повлиять на некоторых поэтов-современников, даже оставаясь за чертою „известности“» (РГАЛИ, ф. 1458, оп. 2, ед. хр. 30, л. 4 об.), — и дал себе такую, явно заниженную характеристику в стихотворении: «Они черной черновика / Мои ненужные страницы, / Писания не новичка, / Не мастера и не тупицы» (ОР РГБ, ф. 218, к. 1071, ед. хр. 22, л. 35). «Когда дело касалось его собственных стихов, Дм<итрий> Серг<еевич> был очень, вернее даже — преувеличенно скромнен» (из письма А. В. Федорова к Л. В. Горнунгу 29.XI.1976: ОР Лит. музея, ф. 397, оп. 2, ед. хр. 185, л. 31 об.).

¹¹ Усов — один из первых рецензентов «Четок» Ахматовой (Жатва. Вестник литературы. 1915. Кн. VI—VII. С. 468—471); позже перевел на немецкий язык несколько ее

стихотворений, положенных на музыку композиторами В. Шибалиным и В. Нечаевым; в ее присутствии читал в Ленинграде свой перевод первой песни «Поэтического искусства» Буало.

¹² *Кривич Валентин Иннокентьевич* (наст. фам. Анненский, 1880—1936) — поэт, сын И. Ф. Анненского. См. о нем: *Лавров А. В., Тименчик Р. Д.* Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1981. Л., 1983. С. 60, 135; *Тименчик Р. Д.* Кривич Валентин Иннокентьевич // Русские писатели. 1800—1917. М., 1994. Т. 3. С. 155. С 1918 г. Усов состоял с ним в переписке, лично познакомился в апреле 1925 г., оставил о нем недельную характеристику, общий итог которой: Кривич — «вульгаризованный и русифицированный» И. Ф. Анненский (РГАЛИ, ф. 1458, оп. 1, ед. хр. 78, л. 70—73 об.). Досада Усова на Кривича усугублялась тем, что долгое время тот не подпускал посторонних лиц к разбору архива своего отца, что делало невозможным научное издание И. Ф. Анненского.

¹³ Борису Александровичу Зенкевичу (1888—1972).

¹⁴ *Тьерсо Жюльен* (1857—1936) — французский музыковед. Упомянута его книга «Празднества и песни французской революции» (Пг., 1917).

¹⁵ *Мухарева Антонина Николаевна* (1891—1962) — автор сборников «Стихи. Кн. 1» (Пг., 1916), «Стихи. Кн. 2» (Саратов, 1921), «Стихи. Кн. 3» (Саратов, 1923), «Казахские сказки» [в стихах] (Алма-Ата, 1947). Экземляр книги 1921 г. с дарственной надписью М. А. Зенкевичу продавался на букинистическом сайте в Интернете.

3

Теплоход «Урицкий»

6.IX.1922

Пишу эту записку на случай, если не застану Вас дома при обратном проезде через Саратов. Боюсь, что пароход будет ночью и придется беспокоить. Но хочу quand tème* возратить Вам с благодарностью Ваши книги и книжечку Эренбурга. У Эренбурга мне понравилось крайне немного («Остались — монументов медь...», «Какой прибор растет в угрюмом сердце»,¹ «Любовь не в пурпуре побед...» и «В зените бытия любовь...»). Нахожу, что по сравнению со «Стихами о канунах»,² этой жуткой книгой изъязвленной, растерзанной иудейской плоти, «Опустош<ающая> люб<овь>»³ — несколько шагов назад.

В «Под мясн<ой> багр<яницей>»⁴ многое мне понравилось и многое было внове. *Особенно*: «Посаж<енный> на кол» (не печатано ли в Гиперборее?)<,>⁵ «Небо словно чье-то вымя...» (прекрасная традиция «Тихих песен» Анн<енского>)<,>⁶ «Петербургские кошмары», «Эх, если бы украсть тебя у мужа»,⁷ «Зимовье ворона», «В дрожках» (+ те, что были раньше мною отмечены из «14-ти стих<отворен>ий» в моей статье о Вас).⁸

Все это для меня — крепко свитый и свежий венок Ваших стихов после «Дикой порфиры».⁹

В Нижнем видел Бориса Садовского. Он 6 лет не выходит из комнаты, прикованный к креслу тяжелым недугом. Он стал язвительным, горько умудренным старым остряком. Печатает новую книгу «Морозные узоры» (стихи и проза). Показывал ему «Под мясной багряницей». Из всей книги ему ближе всего показалось «Зимовье ворона», и вся книга больше «Дикой порфиры» (о ней он, помнится, писал где-то).¹⁰ Из

* Все-таки (*фр.*).

отдельных замечаний Б. Садовского (если только это имеет интерес для Вас) запомнил вот что: он ставит в упрек Вам некоторую *неэкономность* в расходовании изобразительных средств (последние 3 строфы «Удавочки»). Вместе со мною он признал безупречную пушкинскую красоту «Купанья» и решил только, что упоминание Венеры будто бы является некоторою *нарочитостью*.¹¹

Что касается «Ямбов» Шенье,¹² то я прочел их с наслаждением и жалею лишь, что не имел подлинника, чтобы проверить свое эстетическое впечатление в направлении точности. Фактура стиха, его ходы, сами стихотворения *an und für sich** кажутся мне отличными. Большое Вам спасибо за доставленную мне радость.

К письму этому приложено несколько моих переводов из Стефана Георге. Их вообще немного в России (кое-что в Аполлоне 1911 и в Антологии немецких поэтов Эльснера). Эти переведены не были. Может быть, Вы их напечатаете при случае где-либо? Сообщите мне относительно этой возможности.¹³

Очень сожалею, что не могу воспользоваться Вашим любезным приглашением и остаться на день-другой в Саратове: тороплюсь в Астрахань к началу учебных занятий.

Простите за неприглядный вид письма.

Привет!

Ваш Д. Усов.

Астрах. IV-й район. Улица Победы (Луковская).
Дом № 3.

¹ Усов ошибочно повторил слово «прибой» дважды.

² Книга стихотворений И. Г. Эренбурга, изданная в 1916 г. в Москве.

³ Книга стихотворений И. Г. Эренбурга, изданная в 1922 г. в Берлине.

⁴ Не изданный при жизни автора сборник М. А. Зенкевича, в который вошли 63 его стихотворения 1912—1918 гг. Подробнее см.: Сказочная эра. С. 633. Все ниже перечисленные стихотворения включены в указанную самую полную на сегодняшний день книгу М. А. Зенкевича.

⁵ Стихотворение было напечатано: Гиперборей. 1912. № 2.

⁶ «Тихие песни» (СПб., 1904) — сборник оригинальных и переводных стихотворений И. Ф. Анненского, изданный им под псевдонимом «Ник. Т-о».

⁷ В принятой редакции: «Эх, если бы украсть тебя от мужа» (1918), см.: Сказочная эра. С. 138.

⁸ Статью Усова о Зенкевиче см. ниже.

⁹ Первая книга стихов М. А. Зенкевича (СПб., 1912).

¹⁰ Садовской Борис Александрович (1881—1952) с 1904 г. был болен сифилисом, а с 1916 г. — спинной сухоткой, приведшей к параличу. «Морозные узоры. Рассказы в стихах и прозе» (Пг., 1922) — последний вышедший при жизни Садовского сборник. Рецензия Садовского на «Дикую порфиру»: Современник. 1912. № 5, подпись «Б. С.».

¹¹ Речь идет о следующих строках: «И пламенник земным красотам / Сияет вечной красотой / Венерин холмик золотой / Над розовым потайным гротом» (цит. по кн.: Сказочная эра. С. 108).

* Сами по себе (нем.).

¹² «После гибели Николая Гумилева Зенкевич работал над переводом «Ямбов» Андре Шенье. Это не было издательским заказом. Это была душевная потребность. В трагедии Шенье поэту виделась трагедия Гумилева. В этой общности судеб вставали проблемы: личность и государство, власть и свобода, революция и культура, проблемы, которые волновали и самого Михаила Зенкевича» (*Озеров Л. Михаил Зенкевич: тайна молчания // Сказочная эра. С. 22 (примеч.)*). Этот перевод частично опубликован в кн.: *Песни Первой французской революции. М.; Л., 1934.*

¹³ *Георге Стефан* (1868—1933) — австрийский поэт. Нам известны три перевода Усова из Георге: «О травы лета, душен ваш аромат...», «Рдяные рощи на срезах гор...» (ОР РГБ, ф. 218, оп. 1071, ед. хр. 22, л. 4 и 19 об.), «Сон и смерть», стихотворение, переведенное в 1914 г. и записанное переводчиком в альбом С. Н. Дурылина: РГАЛИ, ф. 2980, оп. 2, ед. хр. 276, л. 22 (войдут в подготовленную нами книгу «Сочинения Д. Усова» — в печати). Упомянуты: 1) статья о Ст. Георге И. фон Гюнтера и переводы некоторых его стихотворений, выполненные В. Чудовским, С. М^аковским? и С. Радловым (Аполлон. 1911. № 4); 2) кн.: *Современные немецкие поэты в переводах Владимира Эльснера. М.: книгоиздательство К. Ф. Некрасова, 1913. Листок с переводами Усова при письме не обнаружен. Публикация этих переводов Усова не была осуществлена.*

2. Д. С. Усов

Любимые поэты

(Венок сонетов)¹

Магистрал

Кто первый отрока пленил из вас?
Кто юноше давал часы услады?
И, к чаше грезы примешавши яда,
Об ужасе поведал в первый раз?

Кто раскрывал пути и тайны Ада,
А в напоенный жизнью поздний час —
Над чьєю книгой не сомкну я глаз,
Когда уж будет ничего не надо?

В большом венке поэтов всех веков,
В короне тайн, сияний и цветов,
Сиреневых, и розовых, и черных,

Чарующих, как юношеский смех,
Глухих, как Смерть, крылатых и узорных —
Я не могу найти, кто выше всех.²

I. [Андерсен]

Кто первый отрока пленил из вас?
То был сказатель Дании печальной
С душой, похожей на привет прощальный,
И с чистым взором утомленных глаз.³

Он мне рассказывал в вечерний час
О лебедях на глади вод зеркальной,
О елке с золотой звездой сусальной
И о русалках, любящих лишь раз.⁴

Где эта книжка в пестром переплете?
Вы не замените и не вернете
Ее мне, книги прожитых годин.

Но к ней одной прикинуть сердце радо...
Мой милый Андерсен. Ты был один,
Кто юноше давал часы услады.⁵

II. [Мерике]⁶

Кто юноше давал часы услады?
Катулл-священник в черном сюртуке,
Herr Pastor Mörike. В его стихе
Дышал и Рим, и старая баллада.

Я вижу: он идет дорожкой сада,⁷
Спускающейся⁸ к солнечной реке —
Викарий, в шлафроке и в колпаке,
Но — венчанный лозою винограда.

Где край Орплид,⁹ сиявший издали?
Где розы, что в его саду цвели?
От времени им не было пощады...¹⁰

Взамен его явился мне другой,
Дававший знак изнеженной рукой
И к чаше грезы примешавший яда.

III. [Эдгар По]

И, к чаше грезы примешавши яда,
Он видел, как в болотах спит вода,
Как отливает вечная звезда
Скользящей чешуей большого гада.

Не вырыть окровавленного клада!
От Эшеров не сыщешь и следа
И не пройти подвалами туда,
Где замуровано Амонтильядо.¹¹

Давно Эдгара скрыла склепа тьма.
Но тайных знаний толстые тома
Вдруг¹² оживут, и разгорится пламя,

Того творца, чей снова пробил час,
Кто странными и точными словами¹³
Об ужасе поведал в первый раз.

IV. [Гофман]¹⁴

Об ужасе поведал в первый раз
Еще один чудак сквозь флер загадки.
Немецкий город... Сказочные святки...
И снег, как платья бального атлас.

— Здорово, Гофман! — Я не знаю Вас. —
И черный плащ уходит без оглядки.
Смерть или Чорт играет с жизнью в прятки?
Кто будет околпачен этот раз?¹⁵

Забывтый мир, где дамы и валеты,
И короли, и старые портреты
Внезапно оживают в Рождество

И где из зеркала, как из оклада,
Кивает грустный силуэт того,
Кто раскрывал пути и тайны Ада.

*V. [Дант]*¹⁶

Кто раскрывал пути и тайны Ада?
Пред кем раскрылись¹⁷ страшные врата?
Средь тех, кого не видит взор Христа,
Внимал он душам, стонущим: «Пощады!». ¹⁸

Но пусть была прекрасна та чета,
Чета теней из рокового ряда —
Кому сияла горящая Триада,
Тому — ничто земная красота.

Ты — страж с мечом у затворенной двери,
Наставник строгий, Данте Алигьери!
Ты никого не предал и не спас;

Но твой завет понятен в полной мере¹⁹
Не юности, не знающей потери,
А в напоенный жизнью поздний час.

VI. [Рильке]

А в напоенный жизнью поздний час,
Когда, как плод, созреет мысль и слово —
Мне Рильке на страницах «Часослова»²⁰
О Господе начнет, как прежде, сказ.

Как девушки, под чарами былого,
Со ступеней белеющих террас
К себе пловца манили молодого,
И как у церкви темен старый вяз.

Ведь есть же у земли еще для нас
Дни отдыха, привычные предметы
И счастье без раздумий и прикрас,

Дарящее и щедрое, как лето...
И песни одинокого поэта,
Над чьей книгой не сомкну я глаз.

VII. [Стерн]

Над чьей книгой не сомкну я глаз?
Сэр Лоренс Стерн! Над вашей — несомненно.
Позвольте мне, с любовью и смиренно,
Как дядюшку, приветствовать и Вас.

На свет явившись в неудачный час,
Вы жили не особенно почтенно,
Опаздывая всюду неизменно,
Так и не кончили Вы свой рассказ.²¹

Покоясь в креслах иль катясь в карете,
Вы ведали на этом старом свете
Сердца седых и добрых маньяков,

Решающих решенную шараду.
И я поверю шаржу Ваших слов,
Когда уж будет ничего не надо.

VIII. [Ренье]

Когда уж будет ничего не надо —
Останется одно: быть одному,
Следить, как погружается во тьму
Осенняя листва большого сада

И только чуть белеет колоннада
Дворца, далекого теперь всему.
Как он задумчив. Как идет к нему
Зеленых буксов вечная ограда.²²

С отцовской тростью по саду блуждать,
Свой слыша шаг в песочном легком хрусте,
И одного поэта вспоминать,

Исполненного мудрости и грусти —
Тебя, Ренье,²³ чей дар так стар и нов
В большом венке поэтов всех веков.

IX. [Жамм]

В большом венке поэтов всех веков
Есть маленький цветок, простой и милый,
То радостный, как школьник, то унылый,
Как осенью тяжелый шум листов,

Он не забыл ни негров, ни ослов
В молитвах, сказанных с такою силой...
Ведь зайцы в поле, инок над могилой
Впивают звон одних колоколов.

Поззия его земле вернула,
Как девочка любимая, взглянула
С убогих деревенских образов

На своего раба, Франсиса Жамма,²⁴
Небесная Достойнейшая Дама
В короне тайн, сияний и цветов.

X. [Соловьев]

В короне тайн, сияний и цветов
Ты восходила над чертой востока.
Лазурным пламенем обвел далеко
Тебя жемчужный нимб из облаков.

Из горных стран, из мысленных краев
Склонила ты лучащееся око
На странника, поэта и пророка
По имени Владимир Соловьев.

О, Радуга! О, ключ запечатленный!
Зари вечерний свет неизреченный!
Ковчежец невещественных даров!

Затвор Эдема! Крик полей нагорных!
Замкнутый сад таинственных цветов,
Сиреневых, и розовых, и черных.

XI. [Анненский]²⁵

Сиреневых, и розовых, и черных
Тонов наряд к твоей красе идет.
И шея лебеда, и алый рот,
И черный жемчуг в небывалых зернах,

И блеск очей, манящих и покорных —
Все тайною тревожит и влечет...
О, не для тех, кто ищет только торных
Простых путей, был, Муза, твой приход.

Но Иннокентий Анненский тебя
Искал *езде*, старея и любя, —
В чужих чертах, в созвучиях нестройных,

И никогда не зная, что значит «грех»,²⁶
Не знал и песен, царственно-спокойных,
Чарующих, как юношеский смех.

XII. [Рабле]

Чарующий, как юношеский смех,
Раблэ — магистр умный и лукавый,
Добряк-гигант, ты не кичился славой,
Сказав, что славно пить и есть — не грех.²⁷

О, сколько глупых ты нашел прорех²⁸
На тоге Франции с короной ржавой,
И все же ловко миновал заставы
Судей-котов, одетых в белый мех.

Ловец хмельной, без бочки Диоген,
Ученый клирик, лекарь и Силен,
Враг паутины и растений сорных, —

В ладье веселой выплыл ты на лов...
Не ведая сокрытых в тайне слов,
Глухих, как Смерть, крылатых и узорных.

XIII. [Черубина де Габриака]²⁹

Глухих, как Смерть, крылатых и узорных
Стихов, тяжелых тяжестью свинца,
Печальный ряд я слышу без конца,
Лишь вспомню о твоих ресницах черных.

Печать раздумий, злых и непокорных,
Хранит агат старинного кольца...
О Черубина, силой мудреца
Ты помнишь и Мадрид, и тихий Дорнах.³⁰

Как много душ и жизней прожитых
В твоих страницах, страшных и святых.
Мне верится, что ты и Херувима,

Сведя с небес, могла склонить на грех...
Средь тех, кто были бы тобой любимы —
Я не могу найти, кто выше всех.

XIV. [Шекспир]

Я не могу найти, кто выше всех...
Быть может, ты? Загадочный, правдивый,
Кто с Гамлетом, Виолой и Оливой
Нам показал строй путеводных вех

В дали веков: владычицу утех —
Венецию с улыбкою счастливой,
Офелию с ее плакучей ивой
И Порцию — прекраснее всех тех.¹

Ты — Возрождения последний пламень.
Ты средь поэтов — драгоценный камень,
Са<p>фир, который лучше, чем алмаз.

Но вот: твое неназванное имя
Я в круг включаю — наравне с другими...
Кто первый отрока пленил из вас?

1921

¹ Впервые опубликован в машинописном журнале «Гермес» (1924. № 4. С. 53—67). Сонет, посвященный Черубине де Габриак, был частично процитирован в статье: «Из мира я должна уйти неразгаданной...». Письма Е. И. Дмитриевой (Васильевой) М. А. Волошину (Публ. В. П. Купченко) // Русская литература. 1996. № 1. С. 211. Полностью опубл. в нашей работе: *Нешумова Т. Ф.* Невидимый трилистник: Черубина де Габриак, Д. С. Усов, Е. Я. Архиппов // «Серебряный век» в Крыму: взгляд из XXI столетия: Материалы Четвертых Герцыковских чтений в г. Судаке 6—10 июня 2005 года. М.; Симферополь; Судак, 2007. Остальные сонеты публикуются впервые. Вот какая запись об этом венке сделана в перечне русских венков сонетов, составленном Е. Я. Архипповым: «Любимые поэты. Кто первый отрока пленил из вас? / То был сказатель Дании печальной. (Начат 2 ноября, окончен 23 декабря 1921 н. ст. Рукописное издание в количестве 10 именных экз. Обложка Е. А. Костроминой (первой жены Д. С. Усова. — Т. Н.). Шрифт автора. Отдельные сонеты посвящены: Андерсену — Мерике — Эдгару По — Гофману — Данте — Рилке — Стерну — Ренье — Жамму — Вл. Соловьеву — Инн. Анненскому — Раблэ — Черубине де Габриак — Шекспиру. Посвящен Евгению Архиппову. Магистрал: — Кто первый отрока пленил из вас? / Кто юноше давал часы улады? — помещен 15-м». Рукою Усова позднейшая приписка: «Журнал „Гермес“, № 4, Москва, 1924. Отд. I» (РГАЛИ, ф. 1458, оп. 1, ед. хр. 101, л. 73 об.—74).

² В «Гермесе» печатался после сонета № 14.

³ В «Гермесе»: И с чистым взором. Когда вечер гас,

⁴ В «Гермесе»:

Он мне рассказывал, как беден Клаас,
Как грустно елке со звездой сусальной,
О лебедях на глади волн зеркальной
И как учил Принцессу Свинопас.

⁵ Упомянуты сказки Андерсена: «Маленький Клаус и большой Клаус», «Ель», «Дикие лебеди», «Свинопас».

⁶ *Мерике Эдуард* (1804—1875) — немецкий поэт, прозаик, переводчик.

⁷ В «Гермесе»: Я вижу: он, полив салата гряды,

⁸ В «Гермесе»: Идет неспешно...

⁹ Придуманная Мерике в романе «Художник Нольтен» райская земля.

¹⁰ В «Гермесе»: Где свежий шум лесного водопада?

¹¹ «От Эшеров не сыщешь и следа / И не пройти подвалами туда, / Где замуровано Амонтильядо» — имеются в виду рассказы Э. По «Падение дома Ашеров» и «Бочонок амонтильядо». Амонтильядо — сорт итальянского вина.

¹² В «Гермесе»: вновь

¹³ В «Гермесе»:

И вновь прорвется страшных сил запас

Того, кто странно-точными словами

¹⁴ В 1922 г. Усов написал статью «Памяти Т. А. Гофмана» (по случаю 100-летия со дня рождения) (Коммунист. Астраханская газета. 1992. 21 сент. № 212).

¹⁵ В «Гермесе»: И кто в игре сегодня скажет: пас?

¹⁶ Автограф № 2 этого стихотворения — РГАЛИ, ф. 341 (Е. Ф. Никитиной), оп. 1, ед. хр. 360, л. 1 об. С пометой — 1926 — т. е. даты получения Никитиной от Усова этого автографа.

¹⁷ В автографе № 2: отверзлись

¹⁸ Вариант 4-й строки по автографу № 2: Внимал он душам, стонущим: пошады!

¹⁹ Вариант 11—12-й строк по автографу № 2: Твоих терцин безжалостный расказ / Понятен будет в самой полной мере.

²⁰ «Часослов» (в других переводах: «Книга часов» — *Stundenbuch*, 1905) — сборник Р. М. Рильке.

²¹ В «Гермесе»:

Неверен жизни Вашей был компас!

Опаздывая всюду неизменно,

Вы жили не особенно почтенно,

Хоть проповеди изрекал Ваш бас.

²² В «Гермесе» эта и предыдущая строки — в скобках.

²³ *Ренье Анри де* (1864—1936) — французский поэт и прозаик, «самый французский из всех французских писателей» (Б. Эйхенбаум). Ренье много переводили в России, среди его переводчиков — М. А. Волошин, В. Я. Брюсов, И. Г. Эренбург, М. А. Кузмин, Ф. К. Сологуб.

²⁴ *Жамм Франсис* (1868—1938) — французский поэт. Ср. сходные предпочтения (Ренье и Жамм) Вс. Рождественского, в которых он признавался в письме Е. Я. Архипову от 17.IV.<32>: «Из французов влекут меня теперь двое — столь не похожие друг на друга: Ренье и Жамм. У одного учусь ясности, точности, скупости, суровой неприязни всего легкого и общедоступного — другой пленяет меня мудростью и простотой своего слова, согретой великой любовью ко всему видимому миру, не разбитому на эстетические и моральные категории» (РГАЛИ, ф. 1458, оп. 1, ед. хр. 74).

²⁵ *Анненский* — один из главных поэтов для Усова. Поэтику Анненского имитирует ряд его юношеских стихотворений; написанная в студенческие годы работа «Фантастика у Иннокентия Анненского» не сохранилась; в 1918 г. Усов откликнулся рецензией на книгу «Театр Еврипида в пер. И. Анненского под ред. Ф. Зелинского. Том II» (газ. «Понедельник» (от 2 (15) апр. 1918), завязал (сначала эпистолярное) знакомство с сыном Анненского В. И. Кривичем, которого много лет убеждал передать архив отца в руки специалистов; в 1924 г. стал одним из лидеров организованного Арс. Альвингом кружка «памяти И. Ф. Анненского» «Кифара» (см. о нем: *Тименчик Р. Д.* Культ Иннокентия Анненского на рубеже 1920-х годов // *Reading in russian modernism. To Honor Vladimir Feodorovich Markov. Edited by Ronald Vroon, John E. Malmstad.* М.: Наука, 1993. С. 342); после разгрома ГАХН беспокоился о судьбе переданной в 1927 г. в Академию библиотеки поэта (о ней Усов совместно с библиотекарем ГАХН Н. И. Пожарским делал специальный доклад в Академии и в московском Обществе друзей книги), мечтал о научном издании

его стихотворений, но не смог осуществить мечту из-за ареста, в результате — не без влияния Усова — эту работу выполнил его друг — филолог и переводчик А. В. Федоров.

²⁶ В «Гермесе»: Дробивших вечный ребус, как орех.

²⁷ В «Гермесе»: Но услаждал утробу без помех.

²⁸ В «Гермесе»: Как много глупых ты нашел прорех.

²⁹ Стихотворение посвящено Черубине де Габриак. Статья Д. Щербинского (псевдоним Е. Я. Архипова) «Корона и ветвь» о Черубине де Габриак в составленном им «Сборнике стихотворений Черубины де Габриак» (1928) посвящена Д. Усову. Сонет Усова включен в сборник стихотворений, посвященных Черубине (другие авторы — Л. Брюллова, М. Волошин; РГАЛИ, ф.1458, оп. 1, д.102, л.326).

³⁰ «и Мадрид, и тихий Дорнах». — В Петербургском университете Е. И. Васильева слушала лекции по испанской литературе, многие мотивы ее стихотворений, написанных от имени Черубины де Габриак, связаны с Испанией. *Дорнах* — центр антропософской мысли в Швейцарии, где Е. И. Васильева, гарант антропософского общества в России, слушала лекции Р. Штайнера.

³¹ «с Гамлетом, Виолой и Оливой... / Офелию с ее плачущей ивой / И Порцию» — перечислены герои пьес Шекспира «Гамлет», «Двенадцатая ночь, или Что угодно» (Виола и Оливия), «Венецианский купец» (Порция).

3. Д. С. Усов

БАЛЛАДА О ЕЗДЕ ТУДА И ОБРАТНО

Сэр Роберт на скамье сидел,
Лэди Маргрет за станком.
Он столько лет глядел и глядел
На блеск ее рук с кольцом.

Он столько лет любил одну,
Что умер прежний пыл
И он родимую страну
И город свой забыл.

А сердце билось, как дождь в окно:
Что будет дальше — мне все равно,
Что завтра и что сегодня...

Сменялся лиственный убор,
Пестревший за окном,
И снег, укрывший древний бор,
Сменялся теплым днем,

Сменялась дичь больших охот —
Волк, рысь, глухарь, олень —
Сменялся праздников черед,
За Пасхой — Духов День,

И вновь зима и Рождество,
Рождественский уют
И в старом замке — торжество
И блеск тяжелых блюд.

А сердце билось, как дождь в окно:
Что будет дальше — мне все равно,
Что завтра и что сегодня...

Но знаете: прежних дней любовь
Не отпускает нас
И сквозь туман прорвется вновь —
И, может быть, сейчас.

Когда вы мните ясно жить
И тихо умереть —
Для вас неведомая нить
Плетет не ткань, а сеть.

Сэр Роберт видит прежний мир
И прежний жизни ход.
Так весел был с друзьями пир,
Рога других охот!

Он вспомнил город и весну,
Сады в густом цвету,
Небесный блеск и глубину
И в летнем платье ту,

Чьих кос волна была густа,
Чье имя было Ив
И алы влажные уста
И шаг нетороплив;

Она, кому он так любил
Колени целовать,
Она, кого он так забыл,
Пред ним встает опять. —

Сэр Роберт вдруг заговорил;
Его голос был глубок.
И песню вмиг остановил
Распевшийся челнок,

И лэди Маргрет подняла
На мужа серый взгляд
И в самом сердце поняла,
Что нет пути назад.

«Лэди Маргрет! Мой цветок и честь
И друг любимый мой!
Я слишком много прожил здесь,
Мне хочется домой. —

Посмотреть мой город, сад и дом
Моих далеких дней,
Других церквей услышать звон,
Увидать других людей.

Когда же липа отцветет
И минет летний жар,
И жница с кувшином пройдет,
И снимут жатвы дар,

И в серых облаках подаст
Свой голос дикий гусь,

И желтых листьев ляжет пласт —
Тогда я к вам вернусь».

Как ярок был знакомый взор!
Как молод лик его!
Лэди Маргрет встала и в упор
Взглянула на него.

И поцелуй ему дала
Так, как целует мать,
И медленно произнесла:
«Мой друг, я буду ждать». —

Несется конь и пыль дорог
Летит из-под копыт.
Сэр Роберт держит на Восток —
Там край его лежит.

Скорей, скорей! Как лес душист,
Как листья широки,
Как свеж и весел птичий свист
И пестрых стад звонки!

Как дальней церкви шпиль хорош,
Черепица красных крыш,
И как русой девушки волосы — рожь,
И как шелк — у озер камыш.

А сердце бьется: Скорей, скорей.
О, только б дойти до ее дверей,
А дальше — воля Господня...

Но день устал и конь устал,
И хочет отдохнуть.
И вдруг сэр Роберт услышал:
«Куда лежит ваш путь?»

Туман белеет по лугам
И меркнет свет дневной.
Мой господин! я все вам дам —
Побудьте же со мной».

Черна была ее коса,
А руки так смуглы;
Смеялись темные глаза,
Смеялись губ углы;

Была ль она царицей вод,
Чей в озере престол,
Или крестьянкой одного
Ему подвластных сел —

Но сердцем ясным и прямым
Сэр Роберт дал ответ,
Взглянул на ту, что перед ним,
И твердо молвил: «Нет!»

И пусть ваш взор меня манит,
Пусть вечер зрел и тих —
Но если одна перед нами стоит,
Тогда мы не видим других».

А сердце бьется: Скорей, скорей.
О, только б дойти до ее дверей,
А дальше — воля Господня...

Но в мире людям нет числа,
Чей труд недобр и смел,
Кому орудьем ремесла —
Аркан и самострел.

Дороги быстрый поворот,
Прыжок и резкий свист —
И кто-то всадника зовет:
«Эй, друг, остановись!»

Один что сделает с семью?
Как усидеть в седле?
И вот, проклявши мощь свою,
Сэр Роберт на земле,

В лесу с разбитой головой,
Без верного коня,
Без кошеля, почти нагой,
Забывшись и стена...

А рядом чуть пылился шлях
И летнее небо синело...
Как жаркий, треснувший плод на углях,
Его голова горела.

А сердце бьется: Скорей, скорей.
О, только б дойти до ее дверей,
А дальше — воля Господня...

Очнулся он и видит: дом;
Прохладно и темно;
Свеча горит перед крестом;
Завешено окно;

Подушки чистой белизна
Свежит горячий лоб.
Ах, если б ночь не так тесна,
Как крепко сбитый гроб!

Ах, если б — тихий лик сестры
Склонившийся над ним,
В круженье бредовой игры
Не таял, словно дым!

Ах, если б жажда, как свинец,
Не жгла уста ему!
Ах, если бы скорей конец
Дороге и всему!

Так пролежал он много дней
Больной в монастыре.
Уж ночи делались длинней,
Свежело на заре,

И лето, перейдя свой срок,
Но осенью не став,
Давно сплело густой венок
Из ягод и из трав.

И вот однажды ясным днем,
Уставши отдыхать,
В другом плаще, с другим конем
Сэр Роберт мчит опять,

И сердце бьется: Скорей, скорей.
О, только б дойти до ее дверей,
А дальше — воля Господня...

Но сколько нитку ни тянуть —
Конец настанет ей.
И с каждым часом шире путь,
И город все видней.

Застава... стража у ворот...
Высокая тюрьма...
Знакомых улиц поворот,
Знакомые дома,

И переулок — все такой,
Как много лет назад,
И башня церкви вековой,
И лип зеленых ряд,

И дом, который столько раз
Встречал его приход,
В котором, может быть, сейчас
Он вновь ее найдет.

Стучит. Открыли. Нет, не тут.
А рядом? И не там.
«Другие здесь давно живут.
Кого угодно Вам?»

И как больной к устам зовет
Последнее питье —
Сэр Роберт увидал исход
И простонал: «Ее,

Чьих кос волна была густа,
Чье имя было — Ив»...
Старик, открывши ворота,
Нахмурен и ворчлив,

В него всмотрелся и сказал:
«А... помню... столько лет...

Я вас сперва и не признал,
А той давно уж нет.

Та осень теплая была,
Как вы расстались с ней.
Она здесь в доме прожила
Не очень много дней.

Куда она ушла потом —
Не скажет вам никто.
И сам я стар, и стар наш дом,
И все кругом — не то».

Сэр Роберт слишком понял сам,
Что нечего искать,
Что здесь предел его мечтам
И что ему не знать

Ни взгляда незабвенных глаз,
Ни слова с милых уст,
Что кончен путь и день погас,
И людный город — пуст;

И снова шпоры дал коню
И путь направил свой
Вослед мерцающему дню
От темени ночной...

Но знайте, счастье многих лет
Не оставляет нас.
Пред ним и пламя — только свет,
И вечность — только час.

К истокам вспять идет река
И легче дышит грудь,
И чья-то верная рука
Забытый кажет путь.

А сердце бьется тугой струной:
О, только б вернуться, вернуться домой,
А дальше — воля Господня.

Домой, домой! Как темен свет
Осеннею порой!
Как рыл и вязок конский след
Вдаль по земле сырой!

Как тусклы окна деревень,
Встающих по пути,
И как спешит угрюмый день
Сказать земле: «Прости».

«Лэди Маргрет! Мой цветок и честь!
Увижу ль снова вас?
Смогу ли вновь привет прочесть
Во взоре ваших глаз?

Но все же, все ж исполнил я
Обет весенний мой:
Мчат гуси в теплые края —
И я вернусь домой».

А сердце бьется тугой струной:
О, только б вернуться, вернуться домой,
А дальше — воля Господня.

И снова намоталась нить
Обратно на клубок.
«Сэр Роберт! Надо ль коня горячить?
Хорош ли его ездок?

Поехал за подругой он
И вот идет к жене.
Одна ушла, другой спасен,
И все, как сон во сне».

Так, насмехаясь над собой,
Волнуясь и скорбя,
Совершив обратный свой путь домой,
Сэр Роберт — у себя.

Уж замка островерхий лик
Из-за леса смотрит вниз.
Осенних стай неровный крик
В потемневшем небе повис.

Как странно. В замке все темно,
Как будто людей и нет.
Одно далекое окно,
В котором слабый свет.

И копыт по дворовым плитам звук
Родная тишь взяла,
И сказал один из вышедших слуг:
«Леди Маргрет умерла».

4. [Д. С. Усов]

Александр Блок¹

В Петрограде умер один из значительнейших современных поэтов — Александр Александрович Блок (1880—1921), создавший свою школу, сильно повлиявший и на пролетарскую поэзию.

В деятельности Блока различаются две отрасли: чисто лирическая и критическая; и как лирик Блок гораздо ценнее, нежели как критик и журналист (его статьи «Революция и Россия», «Россия и интеллигенция»,² написанные в славянофильском духе, не отличаются большой продуманностью!). Блок занимался и переводами, преимущественно стихотворными (Гейне, Грильпарцер, Рютбеф, Байрон и др.), а также написал несколько статей по истории литературы (он

окончил Петроградский университет по историко-филологическому факультету).

После октябрьского переворота 1917 г. он вошел в Р.К.П. (политической работой он занимался и раньше, в 1905 г.) и до конца своих дней работал в ТЕО Наркомпроса и других культурно-просветительных организациях. Для театра им также написано 5 пьес.

Поэтическая деятельность Блока начинается как раз в 1905 году (1-й сборник).³ Вначале он писал нежные и звучные, но слишком нежизнеспособные стихи, как бы лишенные корня. То были романтические песни молодости, «предутренние сны»,⁴ под влиянием Фета, Вл. Соловьева, Гейне и (отдаленно) Жуковского.

Чем дальше вперед, тем больше появляется в поэзии Блока реалистических элементов. Устав смотреть на небо, он стал пристально вслушиваться во все многообразие человеческой, земной жизни. Ему открывается красота труда, обаяние больших городов, величие революций. Его песни становятся понятными, простыми; вот, например, одна (в извлечении), которая вполне может стать народной: («Мы миновали все ворота и в каждом видели окне, как тяжело лежит работа на каждой согнутой спине... Нет! Счастье — праздная забота. Ведь молодость давно прошла. Нам скоротает век работа, мне — молоток, тебе — игла. Сиди да шей, смотри в окошко, людей повсюду гонит труд, а те, кому трудней немножко, те песни длинные поют».)⁵

Сельская жизнь, жизнь улиц и фабрик, наряду с событиями 1905 г., дают одинаково богатый материал поэту. Вот — забастовка рабочих, в богатых домах потухло электричество «над грудой рюмок, дам, старух» в столовых: «Так — негодует все, что сыто, тоскует сытость важных чрев: ведь опрокинуто корыто, встревожен их прогнивший хлев!».⁶ Вот митинг; оратор говорит «умно и резко», но — полиция близка («И в звоны стекол перебитых ворвался стон глухой, и человек упал на плиты с разбитой головой... Но огонек блеснул у входа... Другие огоньки... И звонко брякнули у свода звезденные курки».)⁷ Здесь самый стих звенит, хлопает и гремит, как породившие его выстрелы и крики. А вот и самый бой («Шли на приступ. Прямо в грудь штык наточенный направлен. Кто-то крикнул: „Будь прославлен!“ Кто-то шепчет: „Не забудь!“».)⁸

Таковы некоторые из революционных тем, которые мы взяли в виде образчиков (других тем здесь не касаемся). Но они не ограничиваются 1905 годом. Еще до пролетарского поворота, изображая, Блок сознательно отказался от всякой романтики былинной, театральной «Руси». «Нет, не выются там по ветру чубы, не пестреют в степях бунчуки... Там чернеют фабричные трубы, там заводские стонут гудки».⁹ Россия не прекрасна, она — кошмарна, она, после долгой гульбы, в чаду пробирается в церковь, чтобы бить поклоны и бросить «в тарелку грошик медный... — а воротаясь домой, обмерить на тот же грош кого-нибудь». Но именно такой он готов ее петь и славить: «Да, и такой, моя Россия, ты всех краев дороже мне!».¹⁰ И пролетарскую революцию он изображает не в празднествах, не с ее показной стороны, а в ее буднях, в черной работе. В таком духе выдержан замечательный его цикл

стихотворений «Двенадцать» (1918 г.), описывающий несколько эпизодов из жизни красноармейцев в Петрограде непосредственно после переворота. В русской читательской критике этот цикл вызвал много и неизменных восторгов, и несправедливых порицаний, но, не вдаваясь сейчас в ее оценку, нельзя не сказать, что это — явление незаурядное в русской поэзии; в еще большей степени относится это и к высокохудожественному стихотворению «Скифы», в котором Блок и со стороны содержания, и со стороны формы достигает Пушкинской высоты (тема — контраст между одряхлевшим Западом и диким молодым русским Востоком). И теперь, отдавая дань памяти умершего хотя бы этими несколькими строками, сознавая, что не должно излишне скорбеть на могиле одного деятеля, когда его место, д. б., займут десятки других — новых, мы не можем не сказать неволью: «Слишком рано! Много-много мог бы дать еще русской литературе этот исключительный поэт!».

Д.

¹ «Профессиональная жизнь», газета, издаваемая Культотделом Астраханского Губпрофсовета. 1921. № 28 от 25 авг. Атрибутируется Усову на основании указания в составленной им автобиблиографии: РГАЛИ, ф. 2813 (колл. Л. В. Горнунга), оп. 1, ед. хр. 30.

² Здесь и далее автор статьи цитирует Блока по памяти. В стихотворных цитатах неточности исправлены без оговорок. Статьи «Революция и Россия» у Блока нет, его статьи назывались «Россия и интеллигенция» (1908), «Народ и интеллигенция» (1908), «Интеллигенция и революция» (1918), «Искусство и революция» (1918).

³ Первый сборник Блока «Стихи о Прекрасной даме» вышел в 1904 г.

⁴ Цитата из переведенной Блоком пьесы Ф. Грильпарцера «Праматерь», повторяющая цитату из стихотворения Мирры Лохвицкой «Марш» (1896).

⁵ Цитата из стихотворения Блока «Холодный день» (1906).

⁶ Обе цитаты из стихотворения Блока «Сытые» (1909).

⁷ Обе цитаты из стихотворения Блока «Митинг» (1905).

⁸ Цитата из стихотворения Блока «Шли на приступ...» (1905).

⁹ Цитата из стихотворения Блока «Новая Америка» (1913).

¹⁰ Эта и предыдущая цитаты — из стихотворения Блока «Грешить бесстыдно, небудно...» (1914).

5. Д. С. Усов

Поэзия М. Зенкевича¹

О поэте живом, молодом по возрасту и еще «становящемся» не может быть, разумеется, окончательного суждения. Но если это такой поэт, который не только написал 2—3 удачных стихотворения, но сумел рассказать по-своему и о своем — он безусловно подлежит рассмотрению; и такая оценка может стать полезной не только для его собственного будущего, но и для будущей истории русской поэзии.

Речь пойдет о Мих. Зенкевиче, с именем которого соединены (пока) три книги: «Дикая Порфира» (СПб., 1912), «Четырнадцать стихотворений» (там же, 1918) и «Пашня танков» (Саратов, 1921); его стихотворения, между прочим, были приложены к двум «акмеистическим манифестам» в числе произведений других поэтов Аполлоновского содружества в 1913 году.²

Есть поэты, которые только поют, есть такие, которые рисуют, колдуют, сходят с ума, опьяняют — и еще многие, многие. М. Зенкевич принадлежит к тем, которые **остро видят** — а потом хотят поведать об этом, беря те слова, которые как раз идут им навстречу, и ломая те, которые не покорны. **Конкретный образ** — вот в поэзии Зенкевича I-го периода самое главное.

Мне кажется, что к первым двум книгам Зенкевича могут быть поставлены эпитафией слова Блока (из «Скифов») о любви к плоти, к ее вкусу, к ее душному запаху.³

Вячеслав Иванов, этот мудрый, но часто мудрящий оценщик, хорошо сказал про Зенкевича, что он «пленился материей и ею ужаснулся». ⁴ Выше я сказал об остром зрении Зенкевича. Но да не сочтут его реалистом! Это зрение — мучительно острое. Его взор не видит земных, радостных, трепещущих покровов природы, он — прожигает, прорезывает и «мясную багряницу»,⁵ и толщу земных напластований, доходит до «состава частей земных»⁶ — и видит: минувшие геологические эпохи, страшные страницы «дней творения». Поэт напоминает того уэллсовского «путешественника во времени», который на своей сложной и хрупкой машине пронесся не только в будущее, но и в прошедшее, и, может быть, утонул в безднах Мелового Моря. Он видит ящеров, которые по отмелям древних побережий «провонокли громоздкие хвосты»,⁷ он чует гул океанов, которые, гудя, идут, притягиваемые «лунной мутью»,⁸ он слышит «тяжкий грохот» песен металлов, «поющих без устали о том, что они владыки земли, как плесень, слизнут красным языком». ⁹ Металлы, камни, воды, мясные ряды, в которых поэту «чудится, что в золотом эфире и нас, как мясо, вешают весы» — мир крепкой плоти, терпкой, сочной, цельной в своей полноте, как и в своем разложении, — вот что раскрывают перед нами стихи Зенкевича. «Дикая порфира» — это старинное выражение Боратынского,¹⁰ желавшего рассказать о последнем цветении природы, когда из нее исчезнут земные племена. Этим заглавием Зенкевич ставит себя (и совершенно правильно) в известное отношение к Боратынскому, но это не назовешь ученичеством. И эпитафия из Анненского¹¹ свидетельствует о том, что некоторые стороны мира — преимущественно его манящая краса — будут восприняты в тонах этого поэта: у берегов заводей, «где солнце ищет берега, так упоительно застыли лилово-красные снега». ¹²

Нелепо было бы сравнивать стихи Зенкевича с «прикладной поэзией» Ломоносова или утверждать, что читатель бросит «стихотворную палеонтологию» (как это делалось!).¹³ Весь смысл «Дикой Порфиры» в том, что поэт иначе видеть не может.

«14 стихотворений»¹⁴ даны в несколько иной тональности. Правда, некоторые мотивы вновь приходят (мамонт; аэроплан — «стальной птеродактель»; кровожадный тигр). Но окраска иная: на все лег тон «сафировый» (стр. 14, 17), «золотой» (стр. 9, 11, 21) больше ясных, чем мрачных тонов. В одном месте («Купанье») поэт достигает на мгновение пушкинской чистоты и прозрачности; но это не его лад. «14 стихотворений» свидетельствуют о непрекращающейся работе над собой и стихом. Такие пьесы как «Удавочка» (влияние рассказа о 7-ми повешенных?¹⁵), «Тигр в цирке»,

«Купанье», «Подсолнух поздний догорал», «Россия» показывают, что поэт умеет взять иные струны, более нежные, более жуткие, более человеческие, чем прежде.

После трехлетнего перерыва — «**Пашня Танков**».

На первой же странице поэт говорит здесь об «упорстве, порывистости и гордости»¹⁶ «в неустанном искании».¹⁷ Ритм сломан, стихи разрифмованы, образы сдвинуты. Вместо массива «Дикой Порфиры», вместо ярких святящихся красок «14 стихотворений» — черная линия извилистая, пунктир, многовидно и прихотливо изогнутый зигзаг. Вместо пения стиха — сухой треск. Много строк об аэропланах, о дредноутах, о технике, о войне, о «бронтозаврах, танках».¹⁸ «Дрожащие, смотрите! Смотрите! Истлев и воскреснув в мертвой петле, на экране неба в сумасшедшем прицеле рядом летящего цилиндра обстреливая солнечные недра, экспроприруя вечность, производит Пегу амортизацию смерти...».¹⁹ Это выписанное место дает хорошее представление о стиле и образах всего сборника.

Думается, этот сборник — не достижение и даже не этап. Это какой-то период лабораторной работы, запись, сданная в печать непросохшими чернилами. Это — не вывих и, конечно, не выверт! Поэт вошел в какую-то новую среду, в новую атмосферу. Его взор не привык к ней, и грудь переносит ее пока с напряжением. Но мне кажется, что это только переход, за которым откроется новая творческая даль, что это — искус излома, который поэту надлежит преодолеть, чтобы снова стать глубоким, ясным и цельным, каким, на мой взгляд, он рожден и предназначен остаться в русской литературе.

Д. Усов

¹ Саррабис. Журнал литературы, критики, музыки и театра. № 3 <Октябрь 1921>. С. 11—12.

² Имеются в виду появившиеся в 1913 г. в первом номере журнала «Аполлон» статьи-манифесты Н. С. Гумилева «Наследие символизма и акмеизма» и С. М. Городецкого «Некоторые течения в современной русской поэзии».

³ «Мы любим плоть — и вкус ее, и цвет, / И душный, смертный плоти запах...».

⁴ Из обзорной статьи Вяч. Иванова «Marginalia»: Труды и Дни. 1912. № 4—5. С. 44.

⁵ Цитата из стихотворения Зенкевича «Под мясной багрянницей душой тоскую» (1913), давшего название циклу — «Под мясной багрянницей».

⁶ Цитата из стихотворения Ф. И. Тютчева «Последний катаклизм».

⁷ Цитата из стихотворения Зенкевича «Ящеры».

⁸ Цитата из стихотворения Зенкевича «Воды».

⁹ Неточная цитата из стихотворения Зенкевича «Металлы».

¹⁰ Из стихотворения Е. А. Баратынского «Последняя смерть».

¹¹ Строка И. Ф. Анненского «Холодный сумрак аметистов» взята Зенкевичем эпиграфом к стихотворению «Сумрак аметистов» из сб. «Дикая порфира».

¹² Цитата из стихотворения Зенкевича «Средь займищ травянисто-влажных...».

¹³ Намек на рецензию С. Городецкого на книгу Зенкевича «Дикая порфира» (Речь. 1912. 10 дек.).

¹⁴ Вторая книга стихов Зенкевича «Четырнадцать стихотворений» (Пг., 1918).

¹⁵ Л. Андреев «Рассказ о семи повешенных».

¹⁶ Точнее: «Останься порывист, упорен и горд».

¹⁷ Обе полуцитаты из первого стихотворения «Пашни танков» — «Пусть, нагнетаясь, вспыхивает пустота».

¹⁸ Цитата из стихотворения Зенкевича «Пашня танков».

¹⁹ Цитата из стихотворения Зенкевича «Авиареквием».